

Имитационные политические режимы как новая политико-правовая реальность. Политико-правовой анализ

*Е.А. ЛУКЬЯНОВА**

*** ЛУКЬЯНОВА Елена Анатольевна** — доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права факультета права Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”. Адрес: 101000, Российская Федерация, Москва, Большой Трёхсвятительский пер., д. 3. E-mail: pravoslovo@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы становления и развития политических режимов в постсоциалистических государствах. Во многих из них прослеживается общая тенденция формирования неопатримониальных режимов с усиленным центральным положением фигуры политического лидера, скрывающихся за фасадом модернизации, легитимности, рациональности и профессиональных бюрократических структур. Такие режимы по своей сути являются имитационными, поскольку именно имитация демократических институтов — их главная отличительная черта.

Ключевые слова: политические режимы, имитационный режим, президент, парламент, парламентаризм, форма правления, Советский Союз.

DOI: 10.31857/S0869049900008511-4

Цитирование: Лукьянова Е.А. (2020) Имитационные политические режимы как новая политико-правовая реальность. Политико-правовой анализ // Общественные науки и современность. № 1. С. 61–76. DOI: 10.31857/S0869049900008511-4

Imitation Political Regimes as a New Political and Legal Reality. Political and Legal Analysis

*Elena A. LUKYANOVA **

***Elena A. Lukyanova** — Doctor of Law Sciences, Professor of Department of Constitutional and Administrative Law, Faculty of Law, National Research University “Higher School of Economics”. Address: 3 Bolshoy Trekhsvyatitelskiy pereulok, Moscow, Russia, 109028. E-mail: pravoslovo@mail.ru

Abstract. The article deals with the formation and development of political regimes in the Post-Socialist states. In many of them, a general tendency occurs towards the formation of neopatrimonial regimes with

an enhanced central position of the political leader's figure hidden behind the facade of modernization, legitimacy, rationality and professional bureaucratic structures. Such regimes are inherently imitative, since it is imitation of democratic institutions that is their main distinguishing feature.

Keywords: political regimes, imitative regime, president, parliament, parliamentarism, form of government, the Soviet Union.

DOI: 10.31857/S086904990008511-4

Citation: Lukyanova E. (2020) Imitation Political Regimes as a New Political and Legal Reality. Political and Legal Analysis. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 61–76. DOI: 10.31857/S086904990008511-4 (In Russ.)

После крушения системы социализма и прекращения существования СССР новые страны вступили на, казалось бы, современный демократический путь развития. Большинство из них присоединились к Европейской Конвенции “О защите прав человека и основных свобод”, поменяли конституции и постепенно начали адаптировать свои правовые системы вместе с правоприменительной практикой к новому состоянию. Но за прошедшие четверть века сильно вперед ушли далеко не все из них. В том числе даже те страны, которые были приняты в ЕС.

Да, конечно, с подобными проблемами ученые уже сталкивались после крушения колониальных режимов во второй половине прошлого века. Тогда на начальных фазах развития новые элиты освободившихся государств тоже ориентировались на прогрессивные западные модели, однако со временем прежние традиционные принципы не только начинали проявляться вновь, но и преобладать над новыми. В результате исследования привели к утверждению нескольких важных аспектов вариативности институциональных сторон модернизации. Во-первых, была признана возможность того, что модернизация может носить лишь частичный характер, то есть формирование новых институтов или современных организационных принципов не обязательно приводит к целостному обновлению общества, более того, возможно ее сопровождение укреплением традиционных систем через влияние новых форм организации. В том числе ученые констатировали, что традиционализм иногда выступает как крайняя негативная реакция на непривычные перемены. Во-вторых, выявилась системная жизнеспособность переходных обществ, создающих свои особые механизмы стабильности и самосохранения. В-третьих, стало очевидным, что логика и тип развития общества в определенной мере обусловлены некоторыми аспектами его традиционного устройства¹.

Американские ученые утверждают, что спустя четверть века распад Советского Союза выглядит как антидемократизационное событие (см., например, [Hale 2016]). Перед его крушением М. Горбачев всего за шесть лет сумел почти полностью освободить СМИ, запустить конкурентные выборы и покончить с политической монополией КПСС. В пределах нескольких лет произошла серьезная переоценка ценностей. Она привела к переосмыслению некоторых из коренных устоев страны: однопартийная диктатура, государственная собственность на экономику; отношения с внешним миром; законность контроля Советского Союза над Восточной и Центральной Европой и контроля Москвы над союзными республиками. Приток новых идей и идеалов породил массовую потребность в свободе слова и свободе СМИ, свободе выборов и соблюдении прав человека, защите частной собственности и наличии гражданского общества, независимого от государства. Судя по опросам общественного мнения и, что более важно, судя по тому, как миллио-

¹ См. подробнее: [Eisenstadt 1966; Eisenstadt 1973; Эйзенштадт 2010].

ны россиян голосовали в ходе выборов с 1989 по 1991 г., это был один из самых коротких и успешных периодов национальной интеллектуальной и нравственной переориентации в современной истории [Aron 2012].

Но после того, как Советский Союз распался на пятнадцать независимых государств, эта тенденция прервалась и даже повернула в обратную сторону [Hale 2011; Hale 2015; Hale 2016; Grzymala-Busse 2002]. Поэтому одна из самых интересных тем в современной политической науке – изучение политических режимов, возникших в этих странах. Терминов для их характеристики имеется множество, что отражает неустоявшийся характер предмета исследования: нелиберальные демократии, имитационные демократии, электоральный авторитаризм, нетираническая автократия.

У этих режимов есть и другие дефиниции. Например, американский политолог Г.Е. Хейл [Hale 2016] называет их патроналистскими, английский экономист Э. Иннес [Innes 2013] – режимами партийного захвата государства. The Economist Intelligence Unit на основе индекса демократии выделяет среди этих режимов: а) полные демократии; б) ущербные демократии; в) гибридные режимы; г) авторитарные режимы [Democracy Index 2016]. М. Браттон и Н. Ван де Валь называют такие режимы неопатримониальными. Патримониальный режим означает особый тип политического господства, которое основано на центральном положении фигуры политического лидера. Классическое веберианское прочтение патримониального государства предполагает отсутствие различий между публичным и частным сектором, поскольку публичные дела – личное дело “патриарха”, они так или иначе относятся к его вотчине. Неопатримониальные государства отличаются от патримониальных тем, что поддерживают фасад модернизации, легитимности, рациональности и профессиональных бюрократических структур [Amundsen 1999; Шевердяев 2016].

Все ученые в той или иной степени анализировали процессы в 35 из 80 государств, образовавшихся на политической карте Евразийского континента после распада мировой системы социализма². Еще выше доля таких стран на территории Европы – 22 из 50, то есть почти половина. Согласитесь, что это очень много и более чем достаточно для анализа. Я буду называть такие режимы имитационными, поскольку именно имитация (полная или частичная) привычных и понятых миру демократических институтов – их главная отличительная черта.

К сожалению, приходится констатировать, что имитационные (полностью или частично) политические режимы стали новой политической реальностью, которую невозможно игнорировать ни в международных отношениях, ни в развитии современных демократизационных процессов в мире. Да, конечно, новый евразийский авторитаризм мягче сегодняшнего китайского режима или, например, режима Саудовской Аравии. Он не так жесток и кровав, как в диктатурах, том числе в СССР догорбачевского периода или в Чили при А.Пиночете. Автократии XX в. состояли на 80% из насилия, на 20% из пропаганды, а современная, новая, автократия на 80% состоит из пропаганды и на 20% из насилия [Шульман 2017]. Но тенденции среднестатистических уровней состояния защиты политических прав человека в небалтийских постсоветских странах³ за весь период с 1991 г., зафиксированные Freedom House, свидетельствуют о том, что чистое движение к авторитаризму в них было пусть и не таким значительным, но при этом абсолютно устойчивым. Поэтому нужно понимать, что в любой момент ситуация может стать резко хуже. Модель Туркменистана и Узбекистана, уже давно имеющих жестко репрессивные правительства, вполне способны “расползтись” вширь.

² В это число не входят КНР и КНДР.

³ Полное исключение из перечня стран государств Балтии с признаками постсоциалистического синдрома недемократических трансформаций политических режимов соответствует теории Хейла. Однако я полагаю, что даже принятым в ЕС балтийским странам не удалось полностью избежать этого синдрома. Просто у Хейла не было данных, поскольку показатели защиты прав человека в них не оценивались по рейтингам Freedom House.

Поэтому для превентивной оценки угрозы такого расползания необходимо понять, откуда подобные режимы берутся, где их истоки. Версий их происхождения много, правда, далеко не все из них убедительны. Например, значительная часть иностранных исследователей России винит во всех антидемократических проблемах ее авторитарного президента В. Путина. Но постсоветские политические системы, похожие на сегодняшнюю российскую, на самом деле появились еще тогда, когда за пределами Санкт-Петербурга никто даже не слышал о человеке по фамилии Путин.

Кроме того, почему-то именно в Евразии вдруг одновременно обнаружилось очень много нелиберальных президентов. Что это – просто печальное совпадение или причина в другом? Ведь даже те президенты, которые изначально считались демократами, впоследствии использовали авторитарные методы правления. Вспомним, например, и грузинских лидеров – как Э. Шеварднадзе, который принимал активное участие в прекращении холодной войны и в демократических реформах при Горбачеве, так и диссидента З. Гамсахурдия, а также бывшего диссидента президента Армении Л. Тер-Петросяна или президента Кыргызстана А. Акаева – академика АН СССР, сделавшего свою карьеру вне аппарата КПСС и изначально рассматривавшегося как великая демократическая надежда страны. Получается, что лидеры, вышедшие из столь разных слоев элиты, оказались в итоге в одном недемократическом лагере. Почему?

Еще одно предположение – во всем виноват экспорт самодержавия (любых других идей или практик) из России на соседние территории. Однако эта позиция опять-таки никак не объясняет, почему некоторые постсоветские страны имеют более высокие, чем в России, уровни авторитаризма. И хотя тенденции к авторитаризму после распада СССР являются общей региональной нормой, все же можно выделить группу стран с более высоким уровнем политической закрытости. Это Россия, Армения, Азербайджан, Беларусь и еще пять среднеазиатских государств, среди которых два (Узбекистан и Туркменистан) вплотную приблизились к тоталитарному порогу режима. В то же время Украина, Молдова и Грузия демонстрируют значительно более высокий уровень открытости.

Если это проблема так называемого “ресурсного проклятия”, то почему в одном авторитарном ряду стоят бедные ресурсами Беларусь и Таджикистан и нефтехимически богатые Россия и Казахстан? Если же причина – слабое экономическое развитие, то опять-таки почему авторитаризм прогрессировал одновременно с постсоветским экономическим ростом? И почему некоторые из беднейших стран региона (Грузия, Кыргызстан, Молдова и Украина) оказались более демократическими? Еще одна логически ожидаемая часть исследуемого пазла – коррупция. Почему она получила такое распространение в Евразии? И почему другие, пусть даже несовершенные, но энергично развивающиеся демократии были в состоянии процветать даже в пораженных коррупцией местах (например, Индия)?

Все эти вопросы не оставили безразличными и российских исследователей. Экономисты, политологи, историки, психологи и социологи высказали целый ряд научных гипотез о причинах происходящих процессов в постсоциалистическом мире. Это и теория матрицы, и теория архаичного патернализма, вытекающего из архаизма институциональных структур, и концепция власти-собственности, обусловленная специфичностью социалистической экономической системы⁴.

Патронализм

Не найдя достоверных ответов на все эти “почему”, Хейл делает вывод, что серебряный юбилей новой Евразии омрачает сочетание патронализма и президентской формы правления, которые были бы еще более разрушительными для демократического раз-

⁴ См. подробнее: [Бессонова 1999; Ворожейкина 2009; Литвина 2005; Матвеев 2019; Нуреев, Латов 2010; Нуреев, Рунов 2002; Плискевич 2018; Шкаратан 2004; Шкаратан 2015; Хедлунд 2015].

вития, если бы не влияние ЕС и случайные непрезидентские конституции нескольких постсоветских стран. То есть речь идет о неких “метаусловиях”, своеобразной матрице, влияющей на демократическое строительство, о которых рассуждают не только американские специалисты, но и российские ученые (см., например, [Кирдина 2004; Краснов 2014]).

Патронализм по Хейлу – это такое «социальное равновесие, в котором люди организуют свою политическую и экономическую деятельность не на основе свободной конкуренции, а на системе личных связей, прежде всего путем персонализированного обмена конкретными поощрениями и наказаниями, без каких-либо принципов или идеологических убеждений. В таких обществах, как правило, превалируют личная дружба и семейные узы, которым сопутствуют слабый правопорядок, повсеместная коррупция, низкий социальный капитал, патрон-клиентские отношения и повсеместное кумовство. Собственно, все то, что социологи называют “родовой” или “неопатримониал” формой господства» [Hale 2016, p. 28]. На самом деле это чисто монархическая традиция [Краснов 2008], в русле которой монарх есть источник всякой власти: власть всех учреждений, как административных, так и судебных заимствуется от него, и поэтому в государстве нет таких учреждений, которые были бы компетентны судить государя.

В России монархия называлась самодержавием. Не абсолютной монархией, нет. Самодержавие отличалось от абсолютной монархии еще большим уровнем абсолютизма и всевластного произвола при сокращении влияния на него любых внутренних сил, помноженного на величину территории страны и разнообразие населяющих ее народов. Большинство российских дореволюционных историков и представителей государственно-юридической школы (Н. Карамзин, С. Соловьев, В. Ключевский, Б. Чичерин, К. Кавелин) отмечали надклассовый характер российского самодержавия, что означает его несвязанность позициями и мнением любых внутренних сил. В качестве особенности российского самодержавия XIX в. Ключевский выделял два параллельных интереса – постройку европейского государственного фасада и самоохрану династии. То есть практически ровно то, что мы наблюдаем сегодня в ряде постсоветских стран. Правда, называют данное явление уже по-другому – политическим персонализмом [Краснов 2006, с. 10].

Современные конституционные принципы, в том числе принцип сменяемости власти в сочетании с четкой целью непременно эту власть удержать, приводят добросовестного аналитика к когнитивному диссонансу. Потому что когда консенсус европейского фасада и возможности оставаться у власти не может быть достигнут в существующих правовых условиях, координаты этого фасада ломаются под воздействием сиюминутного властного (личного, родового, корпоративного) желания и создается новая правовая реальность при сохранении ее внешней оболочки. Собственно, это как раз то, что мы называем имитационной конституционной трансформацией. Сосредоточение политической власти в руках института личности, а значит девальвация парламентаризма, неизбежно порождает единственную опору для проведения политики – бюрократию [Краснов 2006, с. 9]. И именно бюрократия в целях самосохранения начинает прикладывать все возможные усилия к убеждению народа, что альтернативой единовластию, то есть бесконтрольному единоличному правлению, является лишь смута. Поэтому абсолютно прав М. Краснов – это не патриархальные взгляды общества востребуют персоналистский режим, а персонализм консервирует патриархальные отношения в обществе и патриархальный взгляд общества на устройство власти [Краснов 2006, с. 15].

Но в современном мире невозможно быть успешным и конкурентоспособным, действуя в самодержавной системе координат. Потому что цели такой системы сосредоточены не на развитии, а на удержании власти. И следовательно, она основана не на профессиональной конкурентоспособности, а только на личной преданности или искусственной лояльности. Такой подход – безусловный залог неэффективности деятельности институтов и государства в целом. Он приводит к вырождению кадров, снижению уровня жизни,

гражданскому протесту и в итоге к неизбежному краху. В подобных условиях российская поговорка о том, что привычка – вторая натура, не работает. Люди довольно быстро меняют свои привычки, когда им становится неудобно жить. И тогда стереотипы поведения даже “впитанные с молоком матери” ломаются, сменяясь на другие. Поэтому говорить о патронализме как о роковой неизбежной причине современных авторитарных режимов можно в пределах одного – максимум двух поколений. Дальше это не работает: плохой пережиток при современных скоростях и уровне информационного обмена закономерно эволюционно отмирает.

Президентализм

Есть вполне обоснованные сомнения в том, что традиция патронализма способна в одиночку обеспечить существование имитационных политических режимов. Ведь все без исключения страны, в той или иной мере совершившие сегодня поворот к авторитаризму, начинали строиться на вполне современных демократических конституционных принципах. Но при этом у всех, как уже говорилось, ситуация с возвратом к авторитаризму не одинаковая. Поэтому Хейл уточняет свое предположение о патронализме как об основной причине имитационных режимов выводом о том, что наиболее активное развитие авторитаризма происходит в странах с президентской формой правления, в то время как парламентские республики таких результатов не показывают [Hale 2016]. Эту же идею выдвигает и Краснов [Краснов 2015].

Парадоксально, но постсоветский президентализм – продукт эпохи позднего Горбачева, когда лидер СССР искусственно создал свое однократно избираемое президентство в попытке сохранить политический контроль над инициированными им демократическими процессами. В результате это простимулировало большинство из пятнадцати Советских Социалистических Республик к созданию своего собственного президента, чтобы торговаться с центром за лучшие условия “бракоразводного процесса” с СССР. После крушения СССР парламентскую модель избрали лишь три бывших республики – Эстония, Латвия и Литва. Остальные предпочли полупрезидентскую конституционную модель. В 2000 г. от полупрезидентской модели в пользу парламентской отказалась Молдова, озаботившись четко обозначившейся авторитарной тенденцией.

В 2010 г. после революционных потрясений, закончившихся свержением режима К. Бакиева, к Вестминстерской модели перешел и Кыргызстан. Обе эти “перемены участи” наталкивают на весьма любопытный вывод: оказывается, серьезные экономические трудности далеко не всегда подразумевают необходимость “жесткой руки” и авторитарного режима. Молдавия была беднейшей республикой СССР. Сегодня она – беднейшая из европейских стран. Экономические показатели, ресурсообеспеченность и уровень жизни в Кыргызстане также весьма невысоки. Тем не менее две очень небогатые бывшие советские республики в итоге отказались от полупрезидентской конституционной системы и перешли к парламентской модели. По данным Freedom House, в обоих государствах незамедлительно стала наблюдаться постепенная демократизация политического режима. Так, по данным на 2012 г., в Молдове – политический режим переходного типа; в Кыргызстане также наблюдается ярко выраженная положительная демократическая динамика: если в 2009 г. Кыргызская республика была страной с консолидированным авторитарным режимом, то в 2013 г. ее политический режим уже характеризуется как полуконсолидированный авторитаризм [Мишина 2014, с. 48–49].

Тем не менее к началу 2000-х гг. в большинстве постсоветских государств были напрямую избраны президенты, которые постепенно консолидировали в своих руках власть, в том числе (и даже в первую очередь) для укрощения парламента с целью создания мощного механизма своего переизбрания или передачи власти физическим или политическим

наследникам. Престолопреемство, в свою очередь, привело к тому, что политика стала сферой борьбы внутри сети личных связей, а не между формальными институтами и реальными политическими фигурами, то есть превратилась в имитацию политики.

Стремление к расширению президентских полномочий свойственно отнюдь не только посттоталитарным странам. Поскольку президент получает “мандат на власть” из рук народа, ему становится “тесно в символической представительской мантии”. Он стремится расширить свое влияние на все публично-властные институты и на все сферы публичной жизни. Это явление универсально. Яркий тому пример – Франция. Почти вся история Пятой республики – история попыток (часто успешных) расширить пределы президентской власти, прежде всего посредством президентского же толкования конституционных норм [Краснов 2016].

Краснов провел блестящее сравнительное исследование корреляции между конституционной конструкцией власти и укреплением режима личной власти, приводящей к смене политического режима и имитационным конституционным трансформациям в 11 постсоветских странах. Им анализируется уровень авторитаризма в бывших республиках СССР, имеющих либо президентскую (*Азербайджан, Таджикистан и Туркменистан*), либо полупрезидентскую или смешанную (*Армения, Грузия, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия, Узбекистан, Украина*) форму правления. В отличие от *Латвии, Молдовы и Эстонии*, в которых установлена парламентская форма правления, обычно не продуцирующая вождистский стиль властвования [Линц 1994], поскольку президентализм⁵ сам по себе является существенным фактором формирования авторитарных режимов, особенно в условиях неразвитых демократических традиций.

Итогом исследования был ответ на вопрос *подтверждается ли гипотеза о зависимости политического режима от институционального дизайна*. Этот ответ таков: “Конечно, нельзя утверждать, что конструкция власти, предполагающая активное включение парламента в политическую жизнь, означает, что такой парламент обязательно будет сдерживать стремление президента к авторитарному стилю правления. Тут как раз многое зависит и от лидеров парламентских партий, и от политической культуры общества. Но и сама конституционная модель *не должна препятствовать* возможности существовать иным, помимо президента, политикам и предоставлять в их руки средства, ограничивающие авторитарные поползновения главы государства” [Краснов 2014, с. 42]. То есть не сама форма правления определяет уровень концентрации власти. Его определяет политическая культура общества в условиях такой конституционной модели, в которой недостаточно жестко сформулированы препятствия для авторитаризма. Уродства – по Краснову – не предопределяются институционально. Институционально для них только создается благоприятная почва [Краснов 2014]. Но даже если конституционная модель несовершенна в плане создания такого блока, бывают ситуации, которые опровергают гипотезу Дюверже о том, что различные политические режимы могут функционировать в одних и тех же конституционных рамках и, скорее, подтверждают позицию Хейла о значении президентализма в странах с традиционно патроналистскими обычаями делового оборота.

Напомню пример Украины, в которой (в отличие от России) все демократические и антидемократические процессы происходили не на подконституционном, а строго на конституционном поле в рамках борьбы за форму правления. Внеконституционные методы трансформации не применялись. В рамках одной и той же конституции даже при желании элит смена политического режима была невозможна. Демократия и авторитаризм варьировали исключительно вместе с формой правления. А ведь Украина – страна с очень глубокими патроналистскими корнями. Получается, что патроналистская де-

⁵ Разницы в терминах “президентализм” по Хейлу и “президентализм” по Краснову нет.

мократия возможна? Видимо, так, поскольку она существует и в других частях мира, особенно там, где опирается на непрезидентские конституции или имеет сильные международные связи и рычаги влияния. То есть path dependence – эффект колеи, зависимость будущего развития от выбранных ранее стандартов или правил – не является роковой неизбежностью, предопределяющей специфику нового пути, а все апелляции к ней есть не что иное, как оправдание отказа от движения вперед.

В итоге Грузия, Кыргызстан, Молдова и Украина избежали нового витка авторитаризма. К сожалению, эти страны тяжело обременены грузом коррупции и других постсоветских проблем, которые трудно искоренить. В меньшей степени, но не свободны от этих проблем и три постсоветские Балтийские страны (меньше всех – Эстония). В данном случае более низкий уровень постсоветской зависимости обусловлен, во-первых, тем, что они стали частью СССР с уже сложившимися и хорошо отработанными не патроналистскими, а парламентскими традициями, от которых даже в условиях советской формы правления не отказались до конца. Во-вторых, эти страны находились в составе СССР на 20 лет меньше, чем другие. В-третьих, из всех республик бывшего СССР только этим трем странам было разрешено присоединиться к эксклюзивному клубу Евросоюза, который показал реальную возможность воспрепятствовать восстановлению антидемократических практик, как и в других государствах Центральной и Восточной Европы (включая румынский президентализм). Хотя последние тенденции, в том числе в Венгрии и в Польше, показывают, что влияние ЕС не всегда может быть панацеей.

Имитационные политические режимы и конституционные ценности

Специфика украинской демократии наводит на мысль о том, что у имитационных политических режимов есть еще одна основа, столп, на котором покоится их странное государственно-архитектурное сооружение. Причем похоже, что на причинно-следственных весах эта основа способна перевесить все остальные, поскольку и патронализм, и президентализм – явления институционального порядка, а это касается людей (в том числе элит) и их восприятия мира. Один из самых влиятельных философов науки XX столетия К. Поппер писал: “Проблема улучшения демократических институтов – это всегда проблема, стоящая перед личностями, а не перед институтами” [Popper 1992, т. 1, с. 167]. Да, конечно. Но не просто и не только перед личностями. В первую очередь перед личностями, составляющими политический класс или являющимися лидерами общественного мнения.

О чем идет речь? Как уже говорилось, все страны, находящиеся в зоне риска возвратного авторитаризма, конструирующие имитационные политические режимы, – это постсоциалистические страны, которые после крушения системы социализма вместе с бывшими республиками СССР попытались вступить на современный демократический путь развития. Они поменяли свои конституции, наполнив их современным гуманистическим содержанием и демократическими принципами устройства государства. Однако одно дело одномоментно вписать все эти сложнейшие политико-правовые ценностные категории в юридические акты (см., например, [Крусс 2010]) и совсем другое – воспринять эти ценности, пропустить через свое сознание и взять на вооружение в повседневной жизни, доведя новое состояние до каждого рядового исполнителя. То есть сформировать “специальное правосознание, основанное на ценностях, которые не существовали в условиях прежней правовой системы (см. об этом [Никитяева 2006; Перчаткина 2010]).

Переходное ценностное состояние, связанное с разложением традиционной культуры и жизненного уклада, получило наименование “постсоветская аномия” (буквально – “беззаконие”). И это естественно. Вряд ли можно было ожидать, что постсоветская трансформация обойдется без серьезных последствий для ценностно-нормативной системы. Это следовало из социологической теории аномии, созданной Э. Дюркгеймом и Р. Мертоном

[Дюркгейм 1991; Мертон 2006]: любое изменение социальной ситуации, связанное с социальной реорганизацией, неизбежно вызывает в обществе аномические реакции. Однако показатель распространенности аномической деморализованности в первый же год независимого существования, например Украины, превзошел все самые пессимистические ожидания. Как показывали репрезентативные для взрослого населения Украины опросы, более 80% населения были подвержены состоянию аномической деморализованности [Головаха, Панина 2008]. Похожие процессы были характерны и для других стран. Преодоления постсоветской аномии и созревания общества до осознанного принятия демократии требовало значительного периода времени.

«Действительно, в любом государстве можно сочинить документ под названием конституция. Но далеко не везде это будет означать создание *конституционного строя*, главным отличием которого является институциональное отсутствие полновластия какого-то одного института. Другими словами, конституция – это не только и даже не столько фиксация определенного положения вещей, сколько “клетка”, в которую общество помещает публично властные институты» [Краснов 2016, с. 94]. При этом роль общества вовсе не сводится только к выборам, когда, исполнив свой гражданский долг, избиратель политически засыпает до следующей кампании. В такой ситуации граждане становятся населением, нужным власти лишь на определенное время для пролонгации своих полномочий. Конструктивное взаимодействие государства и гражданского общества происходит постоянно исходя из посылки, что работодателем государства является именно общество и именно оно вправе оценивать не только качество предоставляемых государством услуг, но и правильность трактовки властью конституционных ценностей в ее повседневной деятельности.

Приоритет прав человека, их неотчуждаемость и обозначенные пределы ограничения, ценность человеческой жизни, человеческого достоинства и условий развития личности, разделение властей в условиях системы сдержек и противовесов, регулярная сменяемость власти, честные и справедливые выборы, правовое государство, верховенство права как ограничение правом государства, правовые и неправовые законы, правовая определенность и предопределенность, ценность доброй воли в исполнении обязательств и добросовестность любых государственных действий, ценность мира и нерушимости границ – все это⁶ представляет из себя огромный пласт знаний и опыта реализации сложнейших системных ценностей, выработанных и воспринятых значительной частью человечества.

Этой же самой частью человечества было осознано, что одного только экономического и геополитического единства интересов недостаточно, что для прочности сообщества народов Европы требуется и единая система ценностей. На такой системе ценностей и был основан Евросоюз. Как оказалось, именно это принесло странам процветание и развитие. Но, повторяю, это огромный объем знаний. Абсолютно новых знаний для тех, кто, не пройдя такого пути, взял и себе уже готовое и не выстраданное.

Новые государства, формализовав в основных документах все эти ценности и подписав международные обязательства об их выполнении, не успели понять и по-настоящему освоить совершенно непривычный для них новый понятийно-ментальный контент

⁶ Европейские ценности – это совокупность и/или система аксиологических максим, основных принципов обустройства семьи, общества и государства, политико-экономических, правовых, культурных, этических и других норм, объединяющая значимое большинство жителей Европы (и, шире, “западного мира”), служащая основой их идентичности. Единого канонического, то есть признанного экспертным сообществом, списка европейских ценностей нет, хотя они и закреплены как сущность в принятой Советом Европы Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. В преамбуле Хартии Евросоюза по правам человека эти ценности-принципы изложены так: принцип уважения человеческого достоинства, принцип обеспечения прав и свобод человека и гражданина, принцип равенства, принцип солидарности, принцип демократии и принцип правового государства. Подчеркивается, что они основаны на духовном, нравственном и историческом наследии народов Европы (см. [Хартия... 2001; Фомичева 2011]).

принятого и подписанного. В том числе даже смыслов своих собственных конституций. Чудес, к сожалению, не бывает. Процесс познания – один из самых сложных и трудоемких. Происходящий в голове каждого отдельного человека, он всегда есть результат сложнейшего внутреннего диалога. Массовое прозрение наступает только тогда, когда количество отдельных процессов познания становится численно значимым. Этот путь в любом случае должен быть пройден любым обществом. И некоторые пошли по нему так, как знали, понимали и умели. Только в результате дорога оказалась в другую сторону. А чтобы не потерять лицо перед международным сообществом, началось искусственное приспособление формализованных законом и международными обязательствами рамок под свои понятные обыденные представления о должном и сущем. В этом, собственно, и кроется главная причина конституционных трансформаций и появления имитационных (гибридных “нелиберальных” или псевдodemократических) режимов.

Наверное, с самого начала следовало предполагать подобное развитие событий. Четверть века назад ни массовое профессиональное сообщество, ни наука, ни элиты (по крайней мере, в России) не были в должной мере готовы к повседневным последовательным системным ценностным переменам. Этому не учили в школах и институтах, а родители прививали детям совсем другие ценности.

Говорят, что варварство лечится образованием и культурой. Это так. Но двадцати пяти лет для искоренения “варварства” в такой большой стране, как наша, явно мало, особенно в отсутствие нужного количества учителей. Только, пожалуй, сейчас в России подготовлено некоторое значимое количество специалистов, понимающих и умеющих трактовать демократические ценности и смыслы. Но, увы, сегодня эти специалисты мало востребованы сообществом, допущенным к принятию государственно-властных решений, – так называемой политической элитой. Отсюда следует, что дело не только в том, чтобы просто дать необходимое образование какой-то части населения. Для проведения, удержания и охраны курса последовательной демократизации нужно понимание и убежденность в нем политических элит, которые, увы, далеко не всегда совпадают с интеллектуальными элитами.

Горбачев и Ельцин, осуществившие демократический прорыв в СССР и в России, во времена своего политического лидерства тоже не могли претендовать на глубокие и последовательные знания в области демократии. Отсюда их многочисленные срывы и ошибки. Но они находили в себе силы слушать и слышать специалистов в этой области и допускать их к подготовке решений. Когда у следующего президента советники сменились на представителей силового блока, имеющих совершенно иные морально-психологические ориентиры и соответствующую этим ориентирам политическую волю, развитие остановилось и повернуло вспять.

Современные исследования выделяют две основные стратегии построения демократического государства, которые, как правило, оказываются малоуспешными. Это стратегия заимствования институтов и стратегия их “выращивания”. “Заимствование” предполагает перенос на почву постсоветских стран тех норм, правил и механизмов государственного управления, которые успешно зарекомендовали себя в политических и институциональных условиях иных стран и могут быть адаптированы для решения задач экономического роста и развития (параллельно с существующим неопатримониальным “ядром”). “Выращивание” же основано на том, что новые нормы, правила и механизмы создаются в тех или иных областях управления – сперва на узких участках и в особых экспериментальных условиях, а позднее распространяются “вширь” и “вглубь” на более широкие сферы. Хотя теоретически обе эти стратегии выглядят осмысленными и всячески продвигаются международными экспертами в ряде стран, на деле обе они демонстрируют неустранимые изъяны, ставящие под вопрос их релевантность [Кузьминов, Радаев, Яковлев, Ясин 2005].

Успешному функционированию заимствованных, имплантированных институтов препятствует их выхолащивание, поскольку они созданы для работы в несколько другой системе ценностей. Поэтому, развиваясь ради достижения изначально редуцированных или вовсе иных задач, они, конечно, приносят какой-то результат, но с точки зрения эффективности работы всегда оказываются вне возможности адекватного сравнения с их аналогами из тех правовых порядков, откуда они позаимствованы [Гельман 2015].

Надо понимать, что те государства, которые в свое время послужили образцом для постсоциалистических демократических преобразований, тоже далеко не сразу пришли к своему сегодняшнему состоянию. Этому предшествовал длинный, порой многовековой путь, наполненный ошибками, проблемами, спорами, борьбой за каждую проверенную практикой запятую в понимании того или иного политико-правового явления. Более двух столетий назад в Европе весьма противоречиво оценивали принятие французской Декларации прав человека и гражданина. “Политики и историки тщательно взвешивали ее значение и нередко приходили к выводу, что именно она содействовала той анархии, которая водворилась во Франции после взятия Бастилии. Утверждали, что она лишена реального политического содержания и живого понимания деятельности государства. Другие восхваляли ее как откровение со всемирно-историческим значением, как вечную основу государственного строя, как самый драгоценный дар, принесенный Францией человечеству” [Елинек 1905, с. 1–2].

Но прошло время, и в итоге были сформированы сменяемые элиты, которые даже при разнице своих политических программ были абсолютно единодушны и последовательны в отстаивании, сохранении и развитии демократических ценностей. Потому что эффективность демократической плюралистической политической структуры, как выяснилось, зависит не только от добросовестной конкуренции, но в огромной степени *от приверженности демократическим ценностям профессиональных элит* [Innes 2013, p. 9–10].

Постсоциалистическим странам, быстро ассоциировавшимся с ЕС или вступившим в него, было несколько проще, чем тем, которые остались за пределами Европейского клуба. Вступившие были накрепко связаны не только своими Конституциями и Европейской Конвенцией, но и жесткими регулирующими предписаниями Евросоюза, о выполнении которых должны были ежегодно отчитываться. То есть возможность для ретроманевра у них была минимальной. Но своих настоящих элит они все же сформировать не успели. Поэтому, например, Венгрия и Польша после поражения социал-демократов пережили попытки восстановления левой политической монополии фактически “партийного захвата государства”. В июне 2017 г. в Венгрии приняли закон, аналогичный российскому закону об иностранных агентах. В итоге в деле российских иностранных агентов (“Экозащита” и остальные против Российской Федерации) ЕСПЧ сразу предложил выступить в качестве третьих лиц Венгерскому Хельсинкскому комитету, Венгерскому союзу гражданских свобод, местному отделению Transparency International, центру журналистских расследований Atlatzo.hu и Институту политики имени К. Этвеша, основанному Фондом Сороса, подпадающим под действие этого закона⁷.

Еще в одной группе стран (Чехия, Словакия, Румыния, Болгария и Латвия) политические элиты оказались более предприимчивыми и создали “брокерские” партийные системы, в которых государственная политика является побочным продуктом экономической конкуренции. И все же все пять государств показывают высокий уровень партийно-корпоративного захвата государства, в котором государственная власть осуществляется в первую очередь для личной выгоды.

⁷ См.: Российские иноагенты получили подкрепление в Страсбурге. К жалобе отечественных НКО присоединились венгерские правозащитники (<https://www.kommersant.ru/doc/3392259>).

В связи с этим в научный оборот был введен термин “массовые элиты”. С.Дж. Коэн определил их как идеологически неангажированные и, следовательно, мотивированные краткосрочным личным корыстным интересом [Cohen 1999, p. 5–6]. В Чехии, Румынии, Болгарии, Латвии и, с оговорками, в Словакии такие массовые элитные “тусовки” при отсутствии профессиональных демократических элит по-прежнему преобладают. Несмотря на очень разное экономическое наследие каждой из стран и сроки реформ, их сближение с брокерской моделью государства очевидно. И именно эти массовые элиты становятся (зачастую чисто случайно) участниками политической конкуренции. Это – “партии-бизнес-фирмы”, а не общественные организации, в которых общественно-производимые блага становятся сопутствующими по отношению к их реальной цели, а политика вообще оказывается “побочным продуктом” [Hopkin, Paolucci 1999]. **Они формулируют политику, чтобы выиграть выборы, а не выигрывают выборы, чтобы формулировать политику.**

Подмена партиями смысла политики и предвыборной мотивации – тоже разновидность имитационного политического режима, поскольку сам процесс здесь осуществляется ради выборов, а не выборы ради проведения той или иной политики. Соревновательный элемент состоит в том, что румынский ученый А. Мунджиу называет “низким партикуляризмом” – мотивацией, основанной на доступе к государственным активам [Mungiu-Pippidi 2006, p. 94]. В любом случае в этих странах происходит ограничение прав человека при формировании представительных органов власти, потому что цели кандидатов носят подменный характер. Не случайно ни одно из постсоциалистических государств при классификации их политических режимов по индексу демократии не отнесено к полным демократиям. Максимум, на что они могут претендовать – это на так называемые “ущербные демократии” (Венгрия, Латвия, Литва, Молдова, Монголия, Польша, Румыния, Сербия, Словакия, Словения, Хорватия, Чехия, Эстония), а часть попала в разряд гибридных режимов (Босния и Герцеговина, Грузия, Кыргызстан, Македония, Украина, Черногория).

В свое время М. Вебер вывел стандарт западной рациональной системы управления, который так и называется Веберовским стандартом. Одно из условий его действия – политическая конкуренция. Однако применительно к новым странам–членам ЕС политическая конкуренция оказывается хоть и необходимым, но, увы, недостаточным гарантом Веберовского стандарта. Как минимум, половина новых стран–членов ЕС характеризуется мощнейшей политической конкуренцией в частных целях.

Отсутствие общечеловеческих и общедемократических ценностей в менталитете политических элит предполагает невозможность серьезного обсуждения вопросов реализации этих ценностей, внесения соответствующих вопросов в повестку дня внутренней политики государств и, наоборот, отсутствие реакции на принятие конкретных решений, противоречащих международным принципам и правилам. Такое состояние порождает замкнутый круг, цепь действий и решений, нарушающих, например, права и свободы человека. Оно становится деловым обыкновением, судебной практикой, оправданием произвола чиновников, которые, в свою очередь, издают новые ограничивающие права циркуляры и инструкции. В подобной ситуации надежда, увы, только на смену поколений, да и то при условии, что эти поколения будут соответствующим образом подготовлены.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бессонова О.Э. (1999) Раздаток: институциональная теория хозяйственного развития России. Новосибирск: ИЭиОПП РАН.

Ворожейкина Т.Е. (2009) Государство и общество в России и Латинской Америке // Общественные науки и современность. № 6. С. 5–26.

Гельман В.Я. (2015) Модернизация, институты и “порочный круг” постсоветского неопатримониализма. Препринт М-41/15. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Головаха А.Н., Панина Н.В. (2008) Постсоветская anomia: особенности выхода из состояния аномической деморализации в России и на Украине // *Общественные науки и современность*. № 6. С. 5–10.

Дюркгейм Э. (1991) О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука.

Елиннек Г. (1905) Декларация прав человека и гражданина. М.: Т-во И.Д. Сытина.

Кирдина С.Г. (2014) Институциональные матрицы и развитие России: введение в X–Y-теорию. М.; СПб.: Нестор-История.

Краснов М.А. (2008) Глава государства: рецепция идеи “отцовства” // *Общественные науки и современность*. № 5. С. 68–79.

Краснов М.А. (2016) На пути к деперсонификации российской власти: изменение статуса главы государства // *Политическая концептология*. № 4. С. 78–96.

Краснов М.А. (2006) Персоналистский режим в России. Опыт институционального анализа. Москва: Фонд “Либеральная миссия”.

Краснов М.А. (2014) Постсоветские государства: есть ли зависимость политического режима от конституционного дизайна? // *Сравнительное конституционное обозрение*. № 2. С. 29–45.

Краснов М.А. (2015) Статус главы государства как элемент авторитарного потенциала президента // *Государство и право*. № 1. С. 5–16.

Крусс В.И. (2010) Нормативность конституционных ценностей // “Конституционные ценности: содержание и проблемы реализации”. Материалы Международной научно-теоретической конференции 4–6 декабря 2008 г. В 2-х т. Под ред. Н.В. Витрука и Л.А. Нудненко. Москва: Российская академия правосудия. Т. 1. С. 31–41.

Кузьминов Я.И., Радаев В.В., Яковлев А.А., Ясин Е.Г. (2005) Институты: от заимствования – к выращиванию (опыт российских реформ и возможности культивирования институциональных изменений) // *Вопросы экономики*. № 5. С. 5–27.

Линц Х.Дж. (1994) Опасности президентства // *Пределы власти*. № 2–3. С. 3–24.

Литвина С.А. (2005) Установки на патернализм по отношению к политической власти как транскомуникативные образования и их взаимосвязи с элементами образа социального мира в ментальности россиян. Дисс. канд. психологических наук. Томск: Томский гос. университет.

Матвеев А.А. (2019) Применение теории “path dependence” в исследовании институциональных преобразований в России // *Управленческое консультирование*. № 4. С. 107–113.

Мертон Р. (2006) Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, АСТ Москва, Хранитель.

Мишина Е.А. (2014) Длинные тени советского прошлого. М.: Фонд “Либеральная Миссия”.

Никитяева В.В. (2006) Формирование конституционного правосознания в российской среде // *Конституционное и муниципальное право*. № 7. С. 19–23.

Нуреев Р.М., Латов Ю.В. (2010) Россия и Европа: эффект колес (опыт институционального анализа экономического развития). Калининград: Изд-во Российского государственного университета им. И. Канта.

Нуреев Р.М., Рунов А.Б. (2002) Назад к частной собственности или вперед к частной собственности // *Общественные науки и современность*. № 5. С. 5–23.

Перчаткина С.А. (2010) Некоторые вопросы развития конституционного правосознания в государствах – участниках Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод // “Конституционные ценности: содержание и проблемы реализации”. Материалы Международной научно-теоретической конференции 4–6 декабря 2008 г. В 2-х т. Под ред. Н.В. Витрука и Л.А. Нудненко. М.: Российская академия правосудия. Т. 1. С. 72–78.

Плискевич Н.М. (2018) Архаичный патернализм как органическая часть системы “власть-собственность” // *Общественные науки и современность*. № 1. С. 17–32.

Поппер К.Р. (1992) Открытое общество и его враги. М.: Феникс: Международный фонд “Культурная инициатива”.

Фомичева Е.В. (2011) Европейские ценности и их кризис // АНО “Московская школа гражданского просвещения”. 13 февраля 2011 (<http://msps.ru/seminar/271/programm/168/record/3708>).

Хартия Европейского союза об основных правах. Комментарии (2001) Под ред. С.Ю. Кашкина. М.: Юриспруденция.

Хедлунд С. (2015) Невидимые руки, опыт России и общественная наука. Способы объяснения системного провала. М.: Изд. Дом ВШЭ.

- Шеввердяев С.Н. (2016) Конституционное право и коррупция: введение в проблему // Конституционно-правовые основы антикоррупционных реформ в России и за рубежом. Учебно-методический комплекс (учебное пособие). Под ред. С.А. Авакьяна. М.: Юстицинформ. С. 13–126.
- Шкаратан О.И. (2004) Российский порядок: вектор перемен. М.: Вита-Пресс.
- Шкаратан О.И. (2015) Социальная система, обращенная в прошлое (ч. 1) // Социологический журнал. № 3. С. 88–104.
- Шульман Е.М. (2017) “Нас ждет глобальная прозрачность”. Екатерина Шульман – о будущем России, падении автократии и Путине (<https://66.ru/news/politic/202926/>).
- Эйзенштадт Ш. (2010) Срывы модернизации // Неприкосновенный запас. №6. С. 42–67 (<https://magazines.gorky.media/nz/2010/6/sryvy-modernizaczii.html>).
- Amundsen I. (1999) *Political Corruption: An Introduction to the Issues*. Bergen: Chr. Michelsen Institute.
- Aron L. (2012) *Roads to the Temple: Truth, Memory, Ideas, and Ideals in the Making of the Russian Revolution, 1987–1991*. New Haven: Yale Univ. Press.
- Cohen S.J. (1999) *Politics Without a Past: The Absence of History in Postcommunist Nationalism*. Durham; London: Duke Univ. Press.
- Democracy Index 2016. Revenge of the “deplorables”. A report by The Economist Intelligence Unit (<http://felipesahagun.es/wp-content/uploads/2017/01/Democracy-Index-2016.pdf>).
- Eisenstadt S. (1966) *Modernization: Protest and Change*. Englewood Cliffs; New Jersey: Prentice-Hall.
- Eisenstadt S. (1973) *Tradition, Change and Modernity*. New York: John Wiley & Sons.
- Grzymała-Busse A. M. (2002) *Redeeming the communist past: The regeneration of Communist Parties in East Central Europe*. New York: Cambridge Univ. Press.
- Hale H.E. (2011) The Myth of Mass Russian Support for Autocracy: The Public Opinion Foundations of a Hybrid Regime // *Europe-Asia Studies*. No. 63. Pp. 1357–1375.
- Hale H.E. (2015) *Patronal Politics: Eurasian regime dynamics in comparative perspective*. New York: Cambridge Univ. Press.
- Hale H.E. (2016) 25 Years after the USSR: What’s Gone Wrong? // *Journal of Democracy*. Vol. 27. No. 3. Pp. 24–35.
- Hopkin J., Paolucci C. (1999) ‘New Parties and the Business Firm Model of Party Organization: Cases from Spain and Italy’ // *European Journal of Political Research*. Vol. 35. No. 3. Pp. 310–312.
- Innes A. (2013) The political economy of state capture in central Europe // *JCMS: Journal of Common Market Studies*. № 52 (1). Pp. 88–104 (http://eprints.lse.ac.uk/54670/1/_lse.ac.uk_storage_LIBRARY_Secondary_libfile_shared_repository_Content_Innes,%20A_Political%20economy_Innes_Political%20economy_2014.pdf).
- Mungiu-Pippidi A. (2006) Corruption: Diagnosis and Treatment // *Journal of Democracy*. Vol. 17. No. 3. Pp. 96–99.

REFERENCES

- Amundsen I. (1999) *Political Corruption: An Introduction to the Issues*. Bergen: Chr. Michelsen Institute.
- Aron L. (2012) *Roads to the Temple: Truth, Memory, Ideas, and Ideals in the Making of the Russian Revolution, 1987–1991*. New Haven: Yale Univ. Press.
- Bessonova O.E. (1999) *Razdatok: institutsional'naya teoriya khozyaystvennogo razvitiya Rossii* [Distribution Economy: Institutional Theory of Russian Commercial Development]. Novosibirsk. IEiOPP RAN.
- Cohen S.J. (1999) *Politics Without a Past: The Absence of History in Postcommunist Nationalism*. Durham, London: Duke Univ. Press.
- Democracy Index 2016. Revenge of the “deplorables”. A report by The Economist Intelligence Unit (<http://felipesahagun.es/wp-content/uploads/2017/01/Democracy-Index-2016.pdf>).
- Durkheim E. (1991) *O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii* [On Division of Labour. Social Science Method]. Moscow: Nauka.
- Eisenstadt S. (1966) *Modernization: Protest and Change*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall.
- Eisenstadt S. (2010) Sryvy modernizatsii [Wrecking of Modernization]. *Neprikosnovennyy zapas*, no. 6, pp. 42–67 (<https://magazines.gorky.media/nz/2010/6/sryvy-modernizaczii.html>).
- Eisenstadt S. (1973) *Tradition, Change and Modernity*. New York: John Wiley & Sons.

Elinnek G. (1905) *Deklaratsiya prav cheloveka i grazhdanina* [Declaration of Human and Citizen Rights]. Moscow: T-vo I.D. Sytina.

Fomicheva E.V. (2011) *Evropeyskie tsennosti i ikh krizis* [European Values and their Crisis]. ANO "Moskovskaya shkola grazhdanskogo prosveshcheniya". February 13 (<http://msps.ru/seminar/271/programm/168/record/3708>).

Gel'man V.Ya. (2015) *Modernizatsiya, instituty i "porochnyy krug" postsovetskogo neopatrimonializma. Preprint M-41/15* [Modernization, Institutions and the "Vicious Circle" of Post-Soviet Neo-patrimonialism. Preprint M-41/15]. St-Petersburg: Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge.

Golovakha A.N., Panina N.V. (2008) Postsovetskaya anomiya: osobennosti vykhoda iz sostoyaniya anomicheskoy demoralizatsii v Rossii i na Ukraine [Post-Soviet Anomy: Aspects of Escaping Anomy Demoralization in Russia and Ukraine]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 5–10.

Grzymała-Busse A.M. (2002) *Redeeming the communist past: The regeneration of Communist Parties in East Central Europe*. New York: Cambridge Univ. Press.

Hale H.E. (2011) The Myth of Mass Russian Support for Autocracy: The Public Opinion Foundations of a Hybrid Regime. *Europe-Asia Studies*, no. 63, pp. 1357–1375.

Hale H.E. (2015) *Patronal Politics: Eurasian regime dynamics in comparative perspective*. New York: Cambridge Univ. Press.

Hale H.E. (2016) 25 Years after the USSR: What's Gone Wrong? *Journal of Democracy*, vol. 27, no. 3, pp. 24–35.

Hedlund S. (2015) *Nevidimye ruki, opyt Rossii i obshchestvennaya nauka. Sposoby ob'yasneniya sistemnogo provala*. [Invisible Hands, Russian Experience and Social Science. Approaches to Understanding Systemic Failure]. Moscow: HSE.

Hopkin J., Paolucci C. (1999) New Parties and the Business Firm Model of Party Organization: Cases from Spain and Italy. *European Journal of Political Research*, vol. 35, no. 3, pp. 310–312.

Innes A. (2013) The political economy of state capture in central Europe. *JCMS: Journal of Common Market Studies*, no. 52 (1), pp. 88–104 (http://eprints.lse.ac.uk/54670/1/_lse.ac.uk_storage_LIBRARY_Secondary_libfile_shared_repository_Content_Innes,%20A_Political%20economy_Innes_Political%20economy_2014.pdf).

Khartiya Evropeyskogo Soyuza ob osnovnykh pravakh. Kommentarii (2001) [The European Union Charter of Fundamental Rights. Comments]. Ed. by S. Kashkin. Moscow: Yurisprudentsiya.

Kirdina S.G. (2014) *Institucionalnye matrici i razvitie Rossii: vvedenie v X–Y-teoriyu* [Institutional Matrices and the Development of Russia: Introduction to X–Y Theory]. Moscow; St.-Petersburg: Nestor-Istoriya.

Krasnov M.A. (2008) Glava gosudarstva: retseptsiya idei "ottsovstva" [Head of State: Reception of the Idea of "Fatherhood"]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 68–79.

Krasnov M.A. (2016) Na puti k depersonifikatsii rossiyskoy vlasti: Izmenenie statusa glavy gosudarstva [On the Way to the Depersonification of the Russian authorities: Changing the Status of the Head of State]. *Politicheskaya kontseptologiya*, no. 4, pp. 78–96.

Krasnov M.A. (2006) *Personalistskiy rezhim v Rossii. Opyt institutsional'nogo analiza* [Personalist regime in Russia. The experience of institutional analysis]. Moscow: Fond "Liberal'naya missiya".

Krasnov M.A. (2014) Postsovetskie gosudarstva: est' li zavisimost' politicheskogo rezhima ot konstitutsionnogo dizayna? [Post-Soviet States: Is there a political regime dependence on constitutional design?]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, no. 2, pp. 29–45.

Krasnov M.A. (2015) Status glavy gosudarstva kak element avtoritarnogo potentsiala prezidenta [The Head of State Status as an Element of the Authoritarian Potential of the President]. *Gosudarstvo i pravo*, no. 1, pp. 5–16.

Kruss V.I. (2010) Normativnost' konstitutsionnykh tsennostey [Normativity of Constitutional Values]. *Konstitutsionnye tsennosti: sodержanie i problemy realizatsii. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii 4–6 dekabrya 2008 g* [Constitutional Values: The Content and Problems of Implementation. Materials of the International Scientific and Theoretical Conference on December 4–6, 2008]. In 2 vol. Ed by. N.V. Vitruk and L.A. Nudnenko. Moscow: Rossiyskaya akademiya pravosudiya, vol. 1, pp. 31–41.

Kuz'minov Ya.I., Radaev V.V., Yakovlev A.A., Yasin E.G. (2005) Instituty: ot zaimstvovaniya – k vyrashchivaniyu (opyt rossiyskikh reform i vozmozhnosti kul'tivirovaniya institutsional'nykh izmenenii) [Institutions: From Borrowing to Cultivation (the Russian Reforms Experience and the Possibility of Cultivating Institutional Change)]. *Voprosy ekonomiki*, no. 5, pp. 5–27.

Lints Kh.Dzh. (1994) Opasnosti prezidentstva [The Dangers of Presidency]. *Predely vlasti*, no. 2–3, pp. 3–24.

Litvina S.A. (2005) *Ustanovki na paternalizm po otnosheniyu k politicheskoy vlasti kak transkommunikativnye obrazovaniya i ikh vzaimosvyazi s elementami obraza sotsial'nogo mira v mental'nosti rossiyan* [Orientation on Political Power Paternalism as a Transcommunicative Formations and Their Connection to the Elements of Social World in Russian Mentality]. Ph.D. Thesis in Psychology. Tomsk: Nomskiy gos. universitet.

Matveev A.A. (2019) Primenenie teorii “path dependence” v issledovanii institutsional'nykh preobrazovaniy v Rossii [“Path Dependence” Theory Appliance to Research Institutional Development in Russia]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, no. 4, pp. 107–113.

Merton R. (2006) *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura* [Social Theory and Social Structure]. Moscow: AST, AST Moscow, Khranitel'.

Mishina E.A. (2014) *Dlinnye teni sovetского proshlogo* [Long Shadows of the Soviet Past]. Moscow: Fond “Liberal'naya Missiya”.

Mungiu-Pippidi A. (2006) Corruption: Diagnosis and Treatment. *Journal of Democracy*, vol. 17, no. 3, pp. 86–99.

Nikityaeva V.V. (2006) Formirovanie konstitutsionnogo pravosoznaniya v rossiyskoy srede [Formation of Constitutional Justice in Russian Environment]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, no. 7, pp. 19–23.

Nureev R.M., Latov Yu.V. (2010) *Rossiya i Evropa: effekt kolei (opyt institutsional'nogo analiza ekonomicheskogo razvitiya)* [Russia and Europe: Path Dependence Effect (experience of economy development institutional analysis)]. Kaliningrad. Izdatel'stvo Rossiyskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta.

Nureev R.M., Runov A.B. (2002) Nazad k chastnoy sobstvennosti ili vpered k chastnoy sobstvennosti [Back to the Private Property or Onward to the Private Property]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 5–23.

Perchatkina S.A. (2010) Nekotorye voprosy razvitiya konstitutsionnogo pravosoznaniya v gosudarstvakh – uchastnikakh Evropeyskoy konventsii o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod [Some Issues of the Constitutional Legal Consciousness Development in the Member States of the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms]. *Konstitutsionnye tsennosti: soderzhanie i problemy realizatsii. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii 4–6 dekabrya 2008 g* [Constitutional Values: The Content and Problems of Implementation. Materials of the International Scientific and Theoretical Conference on December 4–6, 2008]. In 2 vol. Ed by. N.V. Vitruk, L.A. Nudnenko. Moscow: Rossiyskaya akademiya pravosudiya, vol. 1, pp. 72–78.

Pliskevich N.M. (2018) Arkhaichniy paternalizm kak organicheskaya chast' sistemy “vlast'-sobstvennost'” [Archaic Paternalism as an Integrated Part of “Authority-Property” System]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 17–32.

Popper K.R. (1992) *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi 2 t. T. 1.* [The Open Society and Its Enemies]. Moscow: Phoenix: International Fund “The Cultural Initiative.

Sheverdyayev S.N. (2016) Konstitutsionnoe pravo i korruptsiya: vvedenie v problemu [Constitutional Law and Corruption: Introduction to the Problem]. *Konstitutsionno-pravovye osnovy antikorruptsionnykh reform v Rossii i za rubezhom. Uchebno-metodicheskiy kompleks (uchebnoe posobie)* [Constitutional and legal foundations of an anti-Corruption reforms in Russia and abroad. Methodical Complex (textbook)]. Ed. by S.A. Avakyan. Moscow: Yustitsinform, pp. 13–126.

Shkaratan O.I. (2004) *Rossiyskiy poriyadok: vektor peremen* [The Russian Order: Vector of Changes]. Moscow: Vita-Press.

Shkaratan O.I. (2015) Sotsial'naya sistema, obrashchennaya v proshloe (Ch. 1) [Social System that Addresses the Past]. *Sotsiologicheskii zhurnal*, no. 3, pp. 88–104.

Shul'man E.M. (2017) “Nas zhdet global'naya prozrachnost'”. [“Global Transparency Awaits”] *Ekaterina Shul'man – o budushchem Rossii, padenii avtokratii i Putine* [Ekaterina Shul'man – about Russian Future, autocracy fall and Putin] (<https://66.ru/news/politic/202926/>).

Vorozheykina T.E. (2009) Gosudarstvo i obshchestvo v Rossii i Latinskoy Amerike [The State and the Society in Latin America]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 5–26.